PG
2013
A65
vol.20
1880

Sborniky

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie
russkogo iazyka i slovesnosti.

20

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

Съ портретами академиковъ кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1880.

KRAUS REPRINT LTD.

Nendeln, Liechtenstein

1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ
С.-Петербургъ, Апрѣль 1880 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

Printed in Germany

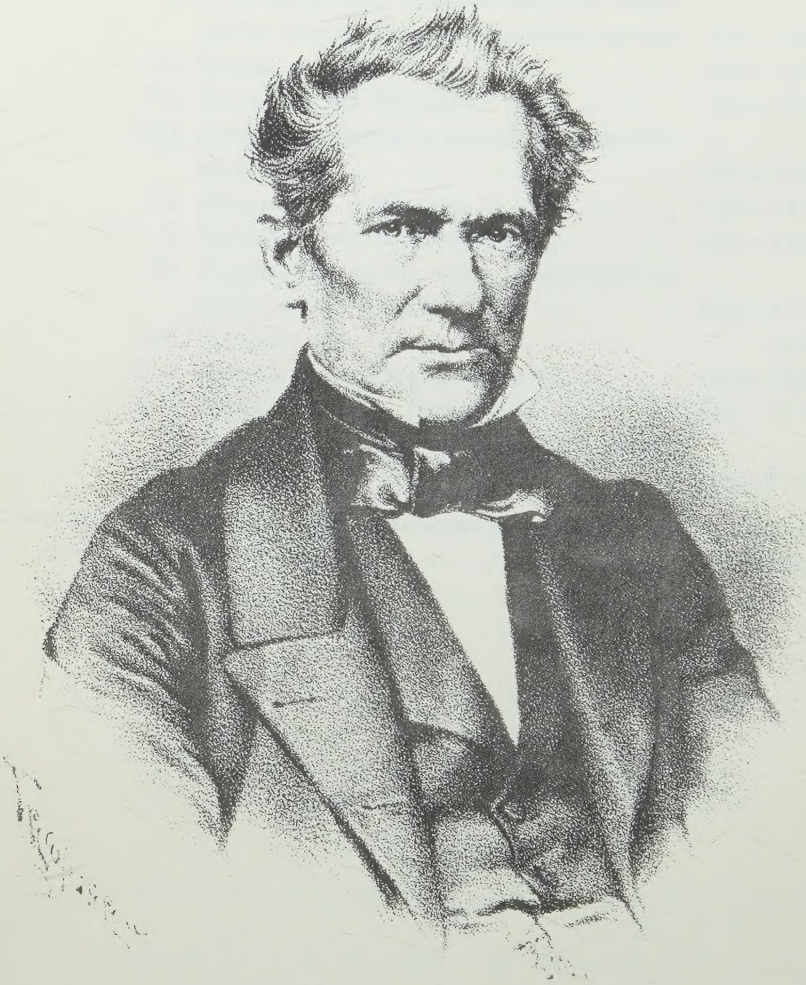
Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

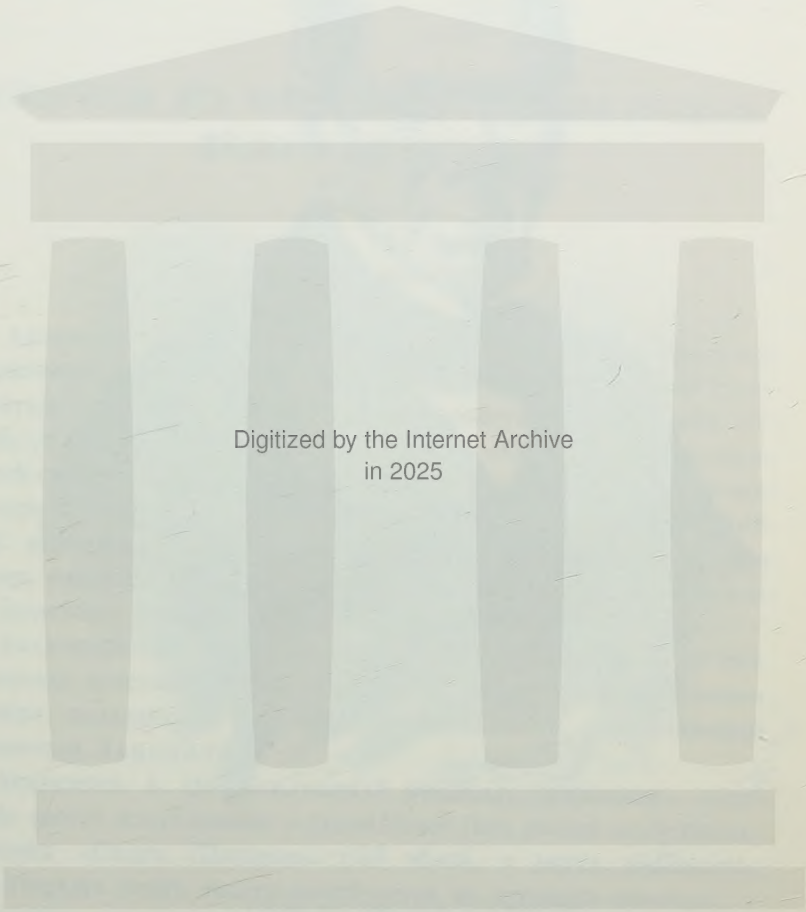
	стран.
Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности:	
За сентябрь — декабрь 1878 г.	I — V
За январь — апрѣлъ 1879 г.	V — IX
Некрологъ князя П. А. Вяземскаго. Академика Я. К. Грота.	IX — XI
Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Академика Я. К. Грота. № 1.	1—130
Слово о двѣнадцати снахъ Шахапши, по рукописямъ XV вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. № 2.	1— 47
О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа. Академика А. Н. Веселовскаго. № 3.	1— 8
Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC. Академика И. И. Срезневскаго. № 4.	1—192
Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ и читанный имъ въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1878 года. № 5.	1— 9
Приложенія къ Отчету:	
Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Академика Я. К. Грота	10— 30
Князь П. А. Вяземскій, рѣчь академика М. И. Сухомлинова, читанная имъ въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря 1878 года	32— 52
О смерти И. А. Крылова. Неизданное сочиненіе кн. П. А. Вяземскаго	53— 58
Памяти кн. П. А. Вяземскаго, С. И. Пономарева	59
I. Хронологическій указатель сочиненій князя Вяземскаго въ стихахъ и прозѣ	60—109
II. Алфавитный списокъ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненій князя Вяземскаго.	110—123

III. Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ его произведеніяхъ ..... 123—126
IV. Письма его ..... 126—127
V. Посланія къ нему русскихъ поэтовъ, посвященія; сатиры, пародіи, эпиграммы на него. 127—130
VI. Письма къ нему ..... 130—131
VII. Матеріалы для біографіи.. ..... 131—135
VIII. Критическія статьи и отзывы о его сочиненіяхъ..... 136—140
IX. Псевдонимы и подписи..... 140—141
X. Музыка къ его стихотвореніямъ ..... 141—142
XI. Переводы на другіе языки и сочиненія на французскомъ языкѣ..... 142—143
XII. Портреты его..... 143
XIII. Некрологи и посмертныя статьи..... 143—144
XIV. Памяти кн. П. А. Вяземскаго..... 145—152
Письма князя Вяземскаго къ М. А. Максимовичу..... 152—178

Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Академика А. Н. Веселовскаго..... № 6. 1— 22



Лит. Н. Брезе С.П.Б. Средняя-Подьяческая дом. № 4.



Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1880_20

Лит. К. Брезе. С.П.Б. Средняя-Подьяческая, домъ № 4.

К. Петръ Вяземскій

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — декабрь 1878 г.

Академикъ Гротъ представилъ: а) первые листы біографіи Державина, имѣющей составить VIII томъ изданія сочиненій этого писателя и къ печатанію которой онъ приступилъ въ августѣ мѣсяцѣ, и б) первый отдѣлъ своей статьи: «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ», при чемъ заявилъ, что, окончивъ по порученію Историческаго Общества изданіе во французскомъ подлинникѣ этой переписки, онъ приступилъ къ составленію систематическаго обзора содержанія ея, который предполагаетъ печатать постепенно въ Запискахъ Академіи Наукъ и Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ Срезневскій читалъ записку, составленную имъ по поводу присланнаго изъ Загреба образцоваго листа хорватскаго словаря, издаваемаго Юго-Славянской Академіей подъ редакціей профессора Даничича.

Академикъ А. Н. Веселовскій сообщилъ сокращенно содержаніе своего изслѣдованія о древнѣйшей (изъ доселѣ извѣстныхъ) рукописи «Сновъ Шахаиши» (XV вѣка), о двухъ редакціяхъ, въ которыхъ этотъ текстъ встрѣчается въ русскихъ спискахъ, — редакціяхъ, представляющихъ отличія въ содержаніи нѣкоторыхъ сновъ, въ перестановкѣ собственныхъ именъ и интерполаціи христіанскаго характера, отличающей позднѣйшую рецензію статьи. Отдаленный ея источникъ — восточный, непосредственнаго подлинника надо еще искать. Сличеніе возможно большаго количества списковъ необходимо для рѣшенія этого вопроса и для установленія текста.

Академикъ Гротъ обратилъ вниманіе сочленовъ на вновь изданныя въ Москвѣ комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ «Древнія Россійскія стихотворенія», собранныя Киршею-Даниловымъ. Это третье изданіе совершенно сходно по содержанію со вторымъ, давно уже совершенно исчезнувшимъ изъ продажи; измѣнены только шрифтъ и форматъ, и присоединены ссылки на страницы текста 2-го изданія.

Академикъ Срезневскій прочелъ слѣдующую составленную имъ редакцію задачи о языкѣ Балтійскихъ Славянъ, предложенной на Уваровскій конкурсъ.

«Южное Балтійское поморье отъ Эльбы до Вислы, какъ страна, на которой въ разныхъ мѣстахъ и доселѣ остались слѣды когда-то господствовавшаго на ней Славянскаго народа, много разъ было предметомъ различныхъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій и повѣствованій; а на языкъ Славянъ, населявшихъ это поморье въ продолженіе среднихъ вѣковъ, до сихъ поръ еще никто не обращалъ подробнаго вниманія. Были сдѣланы изслѣдованія о новомъ языкѣ Кашубовъ и остатковъ Поморьянъ восточныхъ и о языкѣ Далянъ и Горянъ Люнебургскихъ; но не о средневѣковыхъ говорахъ Велетовъ, Ободритовъ и другихъ Балтійскихъ Славянъ. А между тѣмъ источниковъ для изслѣдованій этихъ говоровъ не мало. Это—лѣтописи, разсказы и записки, относящіяся къ исторіи Балтійскихъ Славянъ и географіи ихъ земли—грамоты разнаго рода, относящіяся къ разнымъ Славянскимъ мѣстностямъ Балтійскаго поморья — имена родовыхъ потомковъ Славянъ и названія разныхъ мѣстностей, доселѣ сохранившіяся, — Славянскія слова вошедшія въ нѣмецкіе говоры Балтійскаго поморья. Изъ этихъ источниковъ извлекаются: 1) въ очень значительномъ количествѣ нарицательныя слова, превратившіяся въ собственныя имена лицъ и мѣстностей; 2) нарицательныя слова, относящіяся къ быту народа; 3) нѣкоторыя сочетанія словъ; а эти данныя даютъ свѣдѣнія о фонетикѣ разныхъ говоровъ, о множествѣ коренныхъ созвучій и облпковъ образованія словъ. частію о склоненіи, спряженіи и словосочетаніи. Все это должно быть выработано. Надобность въ отобраніи и разработкѣ данныхъ о языкѣ Балтійскихъ Славянъ тѣмъ настоятельнѣе, что черезъ это нетолько освѣтится яснѣе народность и образованность этой замѣчательной отрасли Славянскаго племени, но и вскроется все, что можетъ быть проводимо изъ языка въ доказательство ближайшихъ отношеній къ нимъ Славянъ Русскихъ, въ чемъ уже не разъ встрѣчалась надобность.

Главная и наиболѣе тяжелая часть труда о языкѣ Балтійскихъ Славянъ заключается въ вѣрномъ и полномъ выборѣ данныхъ изъ источниковъ и постановка ихъ въ такомъ порядкѣ, что бы ими можно было пользоваться съ наибо́льшимъ удобствомъ. Эта часть работы и предлагается какъ задача по Уваровскому конкурсу.

Въ отвѣтѣ на эту задачу должны заключаться:

1) Перечень всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ извлечены данныя, въ повременномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ изданій, по которымъ каждый изъ источниковъ былъ изучаемъ;

2) Списки словъ и выраженій въ азбучномъ порядкѣ съ указаніемъ источниковъ и съ буквальнымъ написаніемъ каждаго по подлиннику, именно:

Списокъ именъ личныхъ о родовыхъ съ обозначеніемъ по источнику званія лицъ и мѣста ихъ жительства.

— Списокъ именъ мѣстностей съ обозначеніемъ, на сколько возможно, положенія каждой мѣстности.

— Списокъ нарицательныхъ словъ съ обозначеніемъ ихъ значенія, гдѣ можно по источнику.

— Особый списокъ сочетаній словъ, вошедшихъ въ предъидущіе списки.

Всѣ эти списки могутъ быть ограничены пространствомъ времени отъ VIII до XV вѣка, такъ что всѣ болѣе позднія показанія могутъ быть проведены только какъ объяснительныя дополненія къ словамъ, вошедшимъ въ списки. Азбучный порядокъ въ спискахъ словъ и выраженій не можетъ быть сдѣланъ по подлиннымъ написаніямъ, потому что въ подлинникахъ одно и тоже слово написано различно и менѣе или болѣе неправильно въ отношеніи къ выраженію звуковъ языка. Для этого надобно употребить какой нибудь одинъ однообразный способъ чтенія — всего лучше такой, который бы возстановлялъ звучность Балтійскаго нарѣчія, при чемъ могла бы быть употреблена азбука Старославянская или же Латино-Славянская — въ томъ видѣ какъ она теперь усвоена большею частію Западныхъ Славянъ. Само собою разумѣется, что желаніе сдѣлать чтеніе сколько возможно болѣе правильнымъ заставитъ составителя быть осмотрительнымъ въ постановкѣ чтенія каждаго слова и для этого пользоваться сравнительными пріемами. Нужно будетъ сравнивать не только различныя написанія слова но и различныя слова одинаковаго строя по образованію

коренныхъ созвучій и ихъ сочетанію, а равно и словъ тѣже или похожія по образованію въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Срокъ подачи отвѣта на задачу назначается двухлѣтній, т. е. къ январю 1880 года.

Академикъ Срезневскій роздалъ сочленамъ только что отпечатанный трудъ: «Чешскія глоссы въ Mater Verborum», разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. (Приложеніе къ XXXI т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 4).

Академикъ Сухомлиновъ представилъ только что отпечатанный IV выпускъ своей «Исторіи Россійской Академіи», въ составъ котораго вошли біографіи Северина, Барсова и Свѣтова.

Академикъ Гротъ читалъ извлеченіе изъ полученнаго имъ отъ П. В. Шейна письма о ходѣ его занятій по составленію отчета о командировкѣ его въ Бѣлоруссію для наблюденій надъ мѣстными нарѣчіями и для собиранія памятниковъ народной словесности.

Академикъ Срезневскій доложилъ о присланной отъ И. В. Юшкевича тетради литовскихъ народныхъ пѣсенъ въ подлинникѣ, которыя записаны съ живаго голоса женщинъ (рѣдко мужчинъ), обыкновенно пожилыхъ, по правому берегу Нѣмана въ окрестностяхъ мѣстечка Велены (Ковенскаго уѣзда), гдѣ эти Литовки, большею частію неграмотныя, поютъ такія пѣсни во время своихъ работъ. Положено, по удостовѣреніи въ достоинствѣ этихъ пѣсенъ, дать имъ мѣсто въ изданіи Академіи.

Академикъ Срезневскій представилъ оттискъ своей статьи «Замѣчанія о книгѣ покойнаго С. А. Гедеонова «Варяги и Русь», вошедшей въ составъ прошлогодняго отчета о присужденіи Уваровскихъ премій.

По поводу присланнаго профессоромъ Варшавскаго университета Колосовымъ объявленія о предпринятомъ имъ изданіи «Русскаго Филологическаго Вѣстника», положено подписаться на этотъ журналъ.

Академикъ Гротъ читалъ составленную имъ замѣтку о той главѣ сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ Миклошича (т. II), которая относится къ именному склоненію.

Академикъ Гротъ представилъ изданный членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія Дубровскимъ второй томъ его Словаря, заключающій въ себѣ Русско-Польскую часть. Такимъ образомъ этотъ трудъ теперь оконченъ и существеннымъ образомъ допол-

няетъ средства къ изученію обоихъ языковъ, чѣмъ составитель конечно оказалъ немаловажную услугу нашей лексикографіи.

По поводу послѣдовавшей 10-го ноября въ Баденъ-Баденѣ кончины академика князя П. А. Вяземскаго, Я. К. Гротъ прочелъ некрологъ его, который и опредѣлено, приложивъ къ протоколу напечатать.

По случаю заявленія А. Ѳ. Бычкова, что семейство покойнаго князя предполагаетъ похоронить тѣло его въ Баденъ-Баденѣ, но что наканунѣ многія лица путемъ телеграфа выразили княгинѣ вдовѣ желаніе, чтобы останки покойнаго перевезены были въ Петербургъ для погребенія въ Александро-Невской Лаврѣ, положено и отъ имени Отдѣленія отправить телеграмму того же содержанія.

Академикъ Срезневскій читалъ: 1) свои воспоминанія о Г. Ф. Квиткѣ (извѣстномъ подъ именемъ Основьяненко) по тому поводу, что 18-го ноября этого года должно было исполниться 100 лѣтъ со дня его рожденія; 2) записку о трудахъ архимандрита Леонида, нынѣ намѣстника Троицко-Сергіевской лавры; 3) докладъ объ археологическомъ изученіи памятниковъ древне-русской словесности, и 4) докладъ о древнихъ русскихъ кормчихъ книгахъ.

Январь — Апрѣль 1879 года.

Академикъ Срезневскій заявилъ, что онъ предполагаетъ начать 3-й томъ «Свѣдѣній и Замѣтокъ» сборникомъ древнихъ Болгарскихъ грамотъ и другихъ записей, составленнымъ имъ преимущественно по подлинникамъ и фотографическимъ снимкамъ, что и одобрено Отдѣленіемъ.

Академикъ Бычковъ, возвращая переданные ему на разсмотрѣніе листы Бѣлорусскаго Словаря, доставленные учителемъ Сѣненскаго (въ Могил. губ.) училища Романовымъ, прочелъ свой отзывъ объ этомъ трудѣ, который опредѣлено въ подлинникѣ приложить къ протоколу, въ копіи же сообщить составителю Словаря, съ возвращеніемъ ему и рукописи его.

Академикъ А. Н. Веселовскій сообщилъ объ одномъ новомъ свидѣтельствѣ XVI вѣка, касающемся Ильи Муромца. Имъ же заявлено, что онъ приготовляетъ къ печати изслѣдованіе: «Св. Георгій въ легендѣ и обрядѣ».

Академикъ Гротъ представилъ присланный С. И. Пономаревымъ въ рукописи «Хронологическій указатель сочиненій князя Вяземскаго въ стихахъ и въ прозѣ» съ библіографическими дополненіями и приложеніемъ автографа одной неизданной статьи покойнаго академика, написанной по случаю смерти Крылова. Положено напечатать трудъ Г. Пономарева вмѣстѣ съ этою статьею князя Вяземскаго въ Запискахъ и Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ Гротъ доложилъ, что ему для пополненія нѣкоторыхъ свѣдѣній касательно біографіи Державина необходимо пересмотрѣть документы, по всей вѣроятности хранящіеся въ Архивѣ Кабинета Его Императорскаго Величества. Положено просить Г. Президента Академіи исходатайствовать Я. К. Гроту разрѣшеніе заниматься въ означенномъ архивѣ.

Академикъ Срезневскій отъ имени корреспондента нашей Академіи профессора Шемберы представилъ его новую книгу «Libušin sůd, въ которой этотъ изслѣдователь въ обширномъ изложеніи выразилъ свои доказательства подложности названнаго памятника, тѣ самыя, какъ и въ 4-мъ изданіи его Исторіи Чешскаго языка и литературы, только съ большими подробностями. При этомъ И. И. Срезневскій сообщилъ о новомъ открытіи А. О. Патероно чешскихъ славянскихъ глоссъ къ бесѣдамъ Григорія папы XI—XII вѣка, въ которыхъ есть любопытныя черты не только относительно выговора и правописанія, но и относительно грамматическаго строя. Замѣчательно, что въ этой рукописи библіотеки Митрополичьяго Пражскаго Капитула чешскія глоссы представляютъ и множество выскобленныхъ мѣстъ, и употребленіе для глоссъ металлическаго острія безъ чернила.

Академикъ А. Н. Весловскій заявилъ, что А. Н. Пыпинъ предполагаетъ представить для напечатанія въ «Сборникѣ» текстъ Раскольничьяго Синодика, на что Отдѣленіемъ и изъявлено предварительное согласіе.

Академикъ Гротъ доложилъ, что имъ получена обратно отъ А. А. Шифнера рукопись литовскихъ народныхъ пѣсенъ, доставленная И. В. Юшкевичемъ и переданная по опредѣленію Отдѣленія на разсмотрѣніе преподавателя здѣшней Римско-Католической Духовной Академіи, литовскаго уроженца Явница. Г. Явницъ, обѣщая дать впослѣдствіи письменный отзывъ объ этомъ сборникѣ, заявилъ, что онъ считаетъ его вполнѣ заслуживающимъ изданія и полагаетъ на первый случай необходимымъ приготовить его къ

печати, переписавъ четко съ соблюденіемъ послѣдовательной орфографіи. Положено препроводить рукопись къ Г. Юшкевичу, съ просьбою озаботиться такою перепиской ея и по изготовленіи копіи, прислать ее въ Отдѣленіе для напечатанія.

Академикъ Бычковъ заявилъ о выходѣ въ свѣтъ глаголическаго Зографскаго Евангелія, изданнаго въ Берлинѣ профессоромъ Ягичемъ подъ заглавіемъ «Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus». Текстъ этого Евангелія, хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ, напечатанъ кирилловскими буквами (за исключеніемъ 17 позднѣйшихъ листковъ, для которыхъ употребленъ гражданскій шрифтъ) и воспроизведенъ дословно, съ сохраненіемъ знаковъ препинанія рукописи и ея дѣленія стиховъ на строки. Внизу страницъ указаны разныя отобенности рукописи. Къ изданію присоединены: написанное на латинскомъ языкѣ предисловіе; таблица, показывающая, какими кирилловскими буквами переданы въ изданіи глаголическія; три неизданныхъ отрывка изъ глаголическаго евангелія, принадлежавшаго В. И. Григоровичу, и три таблицы снимковъ. Г. Ягичъ относитъ Зографское Евангеліе къ концу X или началу XI вѣка, и, ни въ какомъ случаѣ, не позже первой половины XI вѣка, а листы, написанные для замѣщенія утраченныхъ листовъ подлинника, къ концу XI или началу XII вѣка. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что до тѣхъ поръ опредѣленіе времени написанія глаголическихъ рукописей будетъ болѣе или менѣе гадательно, пока не найдутся рукописи съ годами, которыя дадутъ твердое основаніе для глаголической палеографіи. Въ XIV главѣ Предисловія помѣщены лишь нѣкоторыя наблюденія г. Ягича надъ языкомъ Зографскаго Евангелія, такъ какъ объ этомъ предметѣ онъ помѣстилъ болѣе подробное изслѣдованіе въ «Archiv für Slavische Philologie»; въ XV главѣ опредѣлено отношеніе Зографскаго Евангелія къ Ассеманову и Остромирову, причемъ первое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ лучшія чтенія, чѣмъ послѣднія; при разночтеніяхъ Остромирова Евангелія съ Ассемановымъ Зографское Евангеліе склоняется къ послѣднему, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Ассеманово Евангеліе даетъ слишкомъ вольный переводъ сравнительно съ подлинникомъ, оно приближается къ тексту Остромирова Евангелія.

Учитель Калужскаго реальнаго училища П. В. Шейнъ, въ письмѣ къ академику Гроту, увѣдомляетъ, что составляемый имъ отчетъ о командировкѣ его въ Бѣлорусскій край приближается къ окончанію, и испрашиваетъ разрѣшенія представить сперва отдѣль-

но по мѣстностямъ собранные имъ матеріалы, а затѣмъ уже выводы его, такъ чтобы они въ извѣстной группировкѣ явились въ концѣ труда. Положено извѣстить г. Шейна, что Отдѣленіе согласно на предлагаемый имъ порядокъ представленія его отчета.

Академикъ Срезневскій читалъ записку о сборникѣ XV вѣка, принадлежащемъ Московскому Архиву Иностранныхъ Дѣлъ Обратя вниманіе на карандашныя замѣтки А. Е. Викторова, представляющія подробныя сличенія Славянскихъ текстовъ съ греческимъ текстомъ хронографіи Іоанны Малалы и хроники Георгія Амартола и съ книгами ветхаго завѣта и частію съ книгами Іосифа Флавія, И. И. Срезневскій представилъ обозрѣніе всего сборника по частямъ, преимущественно въ отношеніи къ языку, и пришелъ къ заключительному домыслу, что этотъ сборникъ есть одинъ изъ хронографовъ русской работы, составленный изъ выписокъ подходящихъ мѣстъ разныхъ источниковъ, и что эта работа можетъ быть отнесена къ XIII вѣку, какъ даетъ знать запись о времени начала списыванія книги, наводя на мысль, что этою работою занимался кто-нибудь въ Западной Руси, на Волыни или гдѣ-нибудь не далеко отъ литовскихъ поселковъ.

Академикъ Срезневскій представилъ и частію читалъ записку о житіи Андрея Юродиваго.

Академикъ Бычковъ заявилъ, что въ письмѣ къ нему членъ кореспондентъ Отдѣленія П. А. Лавровскій сообщилъ, что въ его рукахъ находится обширный рукописный томъ, содержащій народныя пѣсни Екатеринбургскаго уѣзда, собранныя директоромъ народныхъ училищъ Пермской губерніи г. Шишонко. Всѣхъ пѣсенъ, въ томѣ 447; онѣ раздѣлены на три отдѣла: 1) пѣсни проголосныя, поющіяся при удобномъ случаѣ; 2) хороводныя и 3) свадебныя. Г. Лавровскій свидѣтельствуетъ, что едва ли найдется другой кто либо, кто бы такъ хорошо и разносторонне зналъ любопытный Пермскій край, какъ знаетъ его Шишонко, и что при собираніи пѣсенъ онъ обращалъ особенное вниманіе на правильную передачу мѣстнаго говора. Послѣднее обстоятельство, по многимъ причинамъ, является весьма важнымъ. Положено просить А. Ѳ. Бычкова сообщить П. А. Лавровскому о доставленіи означеннаго сборника пѣсенъ.

Въ слѣдствіе сообщенія А. К. Жизневскаго въ письмѣ изъ Твери на имя акад. Грота о найденномъ въ Осташковскомъ уѣздѣ древнемъ каменномъ крестѣ съ надписью, Отдѣленіе обращалось къ г. Жизневскому съ просьбою о доставленіи фотогра-

фическихъ снимковъ съ этого любопытнаго памятника, и по полученіи ихъ положило, выразивъ почтенному доставителю искреннѣйшую признательность Отдѣленія, передать снимки И. И. Срезневскому вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ихъ письмомъ г. Жизневскаго.

НЕКРОЛОГЪ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Читанный Я. К. Гротомъ въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности 16-го ноября 1878 года.

10-го ноября скончался старѣйшій сочленъ нашъ по Академіи и старѣйшій же собратъ нашъ по литературѣ. Родившись въ 1792 году, князь Вяземскій началъ свою литературную дѣятельность уже въ 1808, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, и, продолжая ее до послѣднихъ дней жизни, какъ бы опровергъ собою извѣстное положеніе науки, что чѣмъ ранѣе силы развиваются, тѣмъ ранѣе и увядаютъ.

Онъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ, черезъ 26 лѣтъ послѣ Жуковскаго, который кончилъ свое поприще тамъ же, спустя 26 лѣтъ послѣ смерти Карамзина.

Грустны могли казаться послѣдніе годы жизни князя Вяземскаго: онъ провелъ ихъ не только на чужбинѣ, но и въ совершенномъ умственномъ одиночествѣ, вдали отъ современнаго движенія родной литературы, пережившъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и товарищей, почти забытый молодымъ поколѣніемъ, считая между живыми литераторами лишь немногихъ ему сочувствовавшихъ и цѣнившихъ его талантъ. Но судьба облегчила ему перенесеніе этихъ лишеній, сохранивъ ему до гроба вѣрнаго друга, достойную спутницу жизни, избранную имъ еще въ молодые годы, неизмѣнно дѣлившую съ нимъ на долгомъ пути и радость, и горе. Самъ поэтъ никогда не разрывалъ связи съ русскою литературой, постоянно продолжалъ слѣдить за нею, какъ и за всѣмъ, что происходило въ отечествѣ, и былъ счастливъ въ тиши уединенія, въ тѣсномъ кругу семьи и немногихъ близкихъ.

Справедливо ли было равнодушіе или, вѣрнѣе, пренебреженіе, съ какимъ современная литература относилась къ князю Вяземскому? Положительно нѣтъ. И въ этомъ случаѣ, какъ бываетъ такъ часто въ людскихъ дѣлахъ, виною было недоразумѣніе: покойнаго считали гордымъ, спесивымъ, холоднымъ: это было несправедливо. Въ его талантѣ преобладала критическая струя; его сила была въ эпиграммѣ и сатирѣ; онъ не умѣлъ сдерживать остраго и бойкаго слова, и вотъ что поссорило его съ молодымъ поколѣніемъ, когда оно въ своихъ увлеченіяхъ давало пищу его перу.

Блестящаго ума и таланта въ князѣ Вяземскомъ не могли отрицать и враги его: съ поэтическимъ дарованіемъ онъ соединялъ самостоятельность и глубину мысли, рѣзкость и оригинальность выраженія; сатира его была мѣтка и язвительна. Понятно, почему онъ особенно сочувствовалъ Фонъ-Визину и посвятилъ этому писателю свой главный историко-литературный и критическій трудъ. Эта превосходная монографія, которая впервые познакомила автора съ высокимъ наслажденіемъ прилежнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія, даетъ понятіе какого значенія въ этой сферѣ дѣятельности могъ бы достигнуть нашъ покойный сотоварищъ, еслибъ обладалъ постоянствомъ въ трудѣ и привычкой къ ученымъ занятіямъ. Впрочемъ, есть слухъ, что въ портфелѣ его остался еще другой трудъ этого рода, предметъ котораго также родственная ему и Фонъ-Визину по свойству ума личность, именно извѣстный своимъ остроуміемъ князь Козловскій.

Къ сожалѣнію, князю Вяземскому не былъ чуждъ тотъ недостатокъ, который такъ часто препятствуетъ полному развитію силы и даровитости русскаго человѣка: его не увлекала жажда труда, онъ легко предавался бездѣйствію. «Если, говорилъ онъ мнѣ однажды, я не сдѣлалъ въ литературѣ ничего значительнаго, то это произошло всего болѣе объ моего образа жизни: я никогда не умѣлъ рано вставать и день мой рѣдко начинался до полудня». При такомъ недостаткѣ дѣятельности, виною котораго, впрочемъ, въ позднѣйшіе годы былъ и тяжкій недугъ, надо еще удивляться, какъ успѣлъ князь Вяземскій, посреди свѣтской жизни, въ которой онъ по своему положенію вращался, написать такъ много замѣчательнаго: это объясняется только высокою степенью его ума и способностей. Къ отсутствію энергической дѣятельности присоединялась въ немъ и безпечность даже о собственныхъ своихъ интересахъ. Иначе онъ, конечно, давно озаботился бы собрать и издать свои сочиненія, и тогда его мѣсто въ литературѣ было бы, безъ сомнѣ-

нія, и опредѣленнѣе, и виднѣе. Но князя Вяземскаго знали большею частію только по наслышкѣ; и многіе на него смотрѣли сквозь мутные очки сословнаго предубѣжденія. Кто зналъ его близко, не могъ не уважать въ немъ человѣка съ душою теплою, съ умомъ просвѣщеннымъ, съ сердцемъ, сочувствовавшимъ всему доброму и прекрасному, въ какихъ бы житейскихъ условіяхъ оно ни проявлялось. Недостатокъ дѣятельности не мѣшалъ ему цѣнить это свойство въ другихъ и отдавать справедливость всякому честному и полезному труду.

Года два тому назадъ, родственникъ покойнаго, графъ С. Д. Шереметевъ, предпринялъ изданіе сочиненій поэта, почти противъ воли его. Съ трудомъ собрался старецъ написать по этому поводу родъ автобіографической записки, о которой его просили и которая въ настоящее время уже печатается впереди приготовляемаго тома. Пожелаемъ, чтобъ это изданіе установило въ потомствѣ справедливый судъ о писателѣ, котораго Карамзинъ, убѣдившись въ его талантѣ, благословилъ на служеніе поэзіи, котораго высоко ставили Жуковскій, Пушкинъ и Гоголь. Кончаю этими немногими словами, въ надеждѣ, что ко дню годоваго собранія Академіи Наукъ М. И. Сухомлиновъ, вмѣстѣ съ отчетомъ по нашему отдѣленію, представитъ болѣе полный обзоръ дѣятельности и оцѣнку заслугъ нашего знаменитаго сочлена. А покуда почтимъ память поэта, повторивъ давно произнесенное имъ «слово примиренія», которому теперь всепримиряющая смерть даетъ новую силу и новое значеніе:

«Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ помочь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!»